

Тихонова Елена Леонардовна
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
tipldk@yandex.ru

ПРАГМАТИКА И СЕМАНТИКА РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ БУРЯТИИ

Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (ХП.192.1.4. Миф и история в фольклоре и литературе бурят и русских сибиряков: универсалии и специфика, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310268-2)

Аннотация: В статье рассматриваются функционально-прагматическое назначение и семантическое поле ритуалов календарно-обрядового фольклора русских старожилов Бурятии. Констатируется, что религиозно-магическое содержание многих ритуалов, связанных с народным календарем, ушло в прошлое, а следовательно, поменялась и их прагматика, обрядовые действия эволюционируют в сторону развлекательно-игровых мероприятий.

Ключевые слова: устный рассказ, народный календарь, семантика, прагматика, ритуал, этническое самосознание.

Tikhonova Elena Leonardovna
The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

PRAGMATICS AND SEMANTICS OF THE RITUAL PRACTICES OF THE RUSSIAN OLD RESIDENTS OF BURYATYA

Abstract: The article considers the functionally-pragmatic purpose and the semantic field of the rituals of the calendar and ritual folklore of the Russian old residents of Buryatiya. It is stated that religious-magic content of many of the rituals associated with the folk calendar, is gone and therefore its pragmatics has changed, and ritual actions evolve towards entertaining and playing activities.

Keywords: oral narrative, folk calendar, semantics, pragmatics, ritual, ethnic identity.

В богатейшем историко-культурном наследии русского народа особое место занимают календарные праздники и сопровождающий их календарно-обрядовый фольклор. Сегодня изучение традиционного народного календаря русских старожилов Бурятии возможно только на основании устных рассказов-воспоминаний, спровоцированных вопросами собирателя. Проблема изучения календарных праздников, а следовательно и самих ритуалов, на современном этапе заключается в том, что исконный сакральный смысл большинства обрядовых действий (ритуалов) либо забыт (но может быть активирован вопросами собирателя), либо утрачен безвозвратно для носителей традиции (что в собирательской практике фиксируется чаще). Поэтому сегодня архиважна актуализация пассивных элементов локальной традиции, пока они окончательно не ушли из сознания людей. В Байкальском регионе, где русское население проживает в иноэтническом окружении, в прошлом соблюдение календаря, а сегодня хотя бы память о нем представляют собой «стратегию выживания культурной идентичности» (Ян Ассман) русских в иноязычном окружении. Календарные праздники через их константу – ритуал – устанавливают связь «между "я"-идентичностью и коллективной идентичностью» [Ассман, 2004, с. 136]. Ритуал включается в систему ценностей, признавая которую «отдельный человек включается в общество и вырабатывает свою идентичность как члена этого общества» [там же].

Память народа о календарно-обрядовой стороне его жизни, о ритуалах, сопровождающих любой календарный праздник, является по сути культурной памятью этноса, которая хранит сакральные знания о прошлом и транслирует эти знания в настоящее и будущее этнической группы. Культурная память, осуществляя процедуру передачи из поколения в поколение базовых для этноса смысловых структур (ритуалов), образующих собою специфику культурного пространства того или иного народа, является чуть ли не единственной возможностью сохранить этническую идентичность. С этой точки зрения изучение ритуальной практики представляет собой архиважную задачу для исследователей, которая состоит в изучении ценностно-смысловой составляющей (семантики) ритуалов – с одной стороны, и их функционально-прагматического назначения – с другой. Ритуалы календарных праздников в высшей степени прагматичны, но прагматичны «не в утилитарном, а в знаковом аспекте». «Эта прагматичность состоит в том, – считает А.К. Байбурин, – что с помощью ритуала коллектив решал жизненно важные задачи по сохранению, контролю и воспроизвод-

ству своих основных ценностей, разумеется, не материальных, а знаковых, символических (социальные институты, статусы, престижи и т. п.)» [Байбурин, 1993, с. 28].

Сегодня рассказы о ритуалах, обрядах и обычаях, некогда составлявших суть тех или иных календарных праздников, функционируют как самостоятельные фольклорные тексты – устные рассказы-воспоминания о праздновании народного календаря. Актуализация этих рассказов на современном этапе обусловлена их прагматикой, способностью рассказчика в той или иной степени описать ритуал. Для этого собирателю необходимо «провоцировать» память исполнителя, вызывать различные ассоциации» [Добровольская, 2006, с. 445].

Экспедиционные исследования показали, что русские старожилы Бурятии сохраняют в своей памяти локальное содержание традиционных обрядовых действий, связанных с народным календарем (Рождество, Святки, Масленица, Пасха, Троица). Сохранность эта определяется, прежде всего, прагматикой ритуалов, обеспечивающих, во-первых, повторяемость природных и жизненных циклов (мифологическое мышление, которое свойственно и многим современным носителям традиции), и, во-вторых, способность народа самоидентифицироваться, транслировать специфическую информацию о себе самом будущим поколениям. Это, назовем её так, стратегическая прагматика ритуалов. Тактически прагматика ритуальной практики проявляется в осуществлении ритуалами определенных функций.

Календарные ритуалы, являясь по определению канонами, то есть, обладая высшей семантической осознанностью и формальной устойчивостью, выполняют следующие функции: первая – социальная функция воспроизводства традиционного жизненного уклада, причем, не только сельских, но и городских жителей. Ритуалы, присутствующие в календарных праздниках всех времен года, упорядочивали течение жизни, делали ее предсказуемой и поэтому понятной. Несоблюдение ритуалов могло нарушить Высший Порядок в жизни и привести в нее хаос/неразбериху и даже принести беды в первую очередь в виде природных катаклизмов – засухи во время созревания урожая или обильных дождей во время сенокоса и т.п. Например, цель святочного календарно-обрядового комплекса русских старожилов Бурятии состояла в обеспечении плодородия, богатства, благополучия сельской общины на весь предстоящий год с помощью продуцирующей магии. Ритуал колядования на Святки через хлебный код моделировал нужную как для отдельного человека или семьи, так и для всей общины реальность посредством угощения христославщиков/колядовщиков/ряженных: выпечка (булочки, пирожки, тарки, печенюшки) служила даром для представителей потустороннего мира в обмен на гарантируемую поддержку в земледельческой сфере [Корнева, 2010, сайт]: «*Рождество, она (бабушка информанта – Е.Т.) говорила, когда ваш, говорит, отец был маленький, мы жили очень бедно. Она говорит, я его отправляла, в общем, берет он сумку и ходил славил, Рождество пел, Рождество. Но приносил, говорит, по полной сумке пирожков. В каждый дом (Ухова Г.М.). Пирожки и тарки. Тарки – это назывались печенюшки. Оне с брусничкой стряпанные, назывались тарки. Она их..., песни когда он славил, пел: "Не дадите тарку, уведем у вас ярку, не дадите пирожка, мы корову за рожка"* (Коневин М.И.). *Так пели, ага (Ухова Г.М.)*» (зап. Тихонова Е.Л. от Коневина М.И., 1931 г.р., Уховой Г.М., 1937 г.р., в п. Баргузин Баргузинского района РБ в 2008 г.). В каждой семье старались щедро угостить колядовавших, так как суть ритуала состояла в задабривании колядовщиков как представителей "иного" мира, мира мертвых, определяющих жизнь людей в течение последующего года. С миром мертвых в прошлом ассоциировался и такой святочный ритуал, как ряженье, называемый в Забайкалье *машкарадом*. Основными чертами ряженья являются, прежде всего, изменение внешнего облика человека и особая игровая форма поведения, носящая ритуальный характер: «*А переодевались в какие-нибудь одежды, в кого-нибудь наряжались? – соб.). В святки-то? Машкаровались, бегали. О-о-о-й, по всякому разному, кто как сможет, так и облакался. Облакались по-всёму. <...> Я дак вообще любила машкароваться. Меня мама одевала. То парнишком оденет, то старичком оденет, то девчонкой оденет, всяко разное*» (зап. Тихонова Е.Л. от Крыловой Е.Н., 1916 г.р., в п. Баргузин Баргузинского района РБ в 2008 г.). Фрагменты более древних мотивов ритуального молчания ряженных и неузнавания их хозяевами дома присутствуют в следующих текстах: «*Машкаровались, наряжались. (В кого? – соб.). Одевались. Лицо закроют, а тут на себя наденут одежонку, какая есть. (А лицо зачем закрывали? – соб.). Чтоб, видно, не узнали. Лицо закрывали*» (зап. Тихонова Е.Л. от Низовцевой А.Г., 1926 г.р., в п. Баргузин Баргузинского района РБ в 2008 г.); «*Взрослые-то ходили, только они не пели вот эти колядки. Они просто придут молча, в маски оденутся*» (зап. Тихонова Е.Л., Шевелева Л.А. от Сысолятиной Л.К., 1956 г.р., в с. Нестерово Прибайкальского района РБ в 2006 г.). Маски, ритуальное молчание (чтобы не узнали по голосу) – все это атрибуты древнего ритуала ряженья. Раньше, если ряженого узнавали, он не имел права продолжать участвовать в ритуале, так как, по народным представлениям, нельзя было

быть одновременно и ряженым, то есть, "чужим", и узнаваемым, то есть, "своим". В XXI веке традиция ряженья все больше приобретает развлекательный характер, хотя ритуальное веселье, ритуальный смех все еще имеют место.

В рамках празднования Масленицы большая магическая сила (аграрно-производящая) приписывалась езде на лошадях: чем веселее и скоростнее катание, тем богаче будет урожай. «На лошадях катались? – соб.). *Ой, катались, а как же, катались! Эту, тройку-то запрягут. Всю её разукрасят, девки-то молоды, всю её разукрасят. Вся в этих, в бубенцах, в лентах. Парни разоденутся, девки. Ой, красиво!*» (зап. Тихонова Е.Л. от Бросовой В.Д., 1930 г.р., в п. Читкан Баргузинского района РБ в 2008 г.).

Вторая функция ритуала – регламентация норм поведения и общения людей разных возрастных и гендерных категорий. Эта функция ритуала наделяла каждого участника календарно-обрядового праздника своей ролью: женщины делали генеральную уборку ("чистый четверг"), готовили обрядовую пищу (выпечка, блины); мужчины сооружали необходимые для совершения ритуала объекты – заливали горки для катания (на Святки, на Масленицу), строили качели (на Масленицу и на Пасху), разжигали ритуальные костры (на Святки, на Масленицу). «А костры жгли на Масленицу? – соб.). *Обязательно жгли. (Прыгали через них? – соб.). Не прыгали, а кругом ходили. Прыгать – я не видела. Вот ходили и пели песни. Пели. Обязательно пели песни. (А какие песни пели? – соб.). Вот тоже я не помню эти песни. Столько лет прошло, а чо я... мы же дети были в то время. (А все-таки костер зачем зажигали? – соб.). Чтобы больше народу приходило. Увидят этот костер, и все на этот костер все идут. А так же кто придет. Все боятся же ночью ходить, когда поздно, темно. А когда костер зажгут, все отовсюду идут. И как-то будто радостно, как-то празднично. Такое понятие было, ой, костер! Ой, пойдёмте, костер разожгли! Вокруг ходили, радовались, и подбрасывали лучинки, чтоб еще больше горел этот очаг(!). ... Костер жгли, очень большой жгли. И так весело было! Еще и сами ребята все подбрасывали, чтоб больше еще костер горел*» (зап. Тихонова Е.Л. от Тихоновой А.Н., 1935 г.р., уроженки д. Тимлюй Кабанского района РБ в 2014 г., г. Улан-Удэ). Из этнографической литературы известно, что масленичный костер возжигался и с целью поминовения душ умерших предков, и с целью скорейшего пробуждения природы, прихода весны. Сегодня масленичный костер – это обычай, утративший свое магическое звучание. Но семантика соборности в рассказе присутствует: «*Чтобы больше народу приходило. Увидят этот костер, и все на этот костер все идут*».

Обязательным в проведении календарных праздников считалось участие детей (христославие/колядование на Рождество и Святки; участие во многих "увеселительных" мероприятиях на Масленицу; участие в "игровых" ритуалах на Пасху, например, катание крашеных яиц с горы) и т.д. Участие детей обуславливалось производящим характером магических обрядовых действий: дети мыслились как воссоздание и продолжение человеческого рода, будущее общины. «*И на лошадях катаются, и ребяташек катают. И до сих пор вот, как раньше было, да, обязательно лошади, обязательно ребяташек катают на лошадях, вот это уже у нас пока в нашей деревне это сохраняется*» (зап. Тихонова Е.Л. от Маркеевой Н.В., 1957 г.р., в п. Баргузин Баргузинского района РБ в 2014 г.).

Третья функция ритуала – функция (возможно, сегодня наиважнейшая) воспроизводства этнической специфичности, формирования этнического самосознания. Для русского населения Бурятии, живущего в отрыве от метрополии, эта функция приобретает особую значимость. Функция формирования этнического самосознания связана с понятием партиципации – приобщения отдельного члена общества к локальному сообществу, к общине, к этносу через участие в коллективной ритуальной практике. Подобное приобщение происходит как в рамках семьи (и для семьи) через семейно-бытовую обрядность, так и в рамках общины (и для общины) через календарную обрядность.

Таким образом, ритуал, как явление изоморфное в народной культуре, содержит в себе как ориентацию на прошлое, так и обращенность в будущее. Если будущее только проецируется с помощью ритуалов как благоприятное, то прошлое всегда осмысливается народной традицией как идеал, как благо, как более совершенная форма существования (каким бы тяжелым это существование не было). Во время исполнения ритуала члены общины являлись субъектами действия и могли, по поверью, повлиять на благополучный/неблагополучный исход для односельчан.

Сегодня мы наблюдаем фрагментарное бытование календарных праздников и календарно-обрядового фольклора в русских старожильческих селах Бурятии. Ушло в прошлое религиозно-магическое содержание многих ритуалов, связанных с народным календарем, а следовательно, поменялась и их прагматика: обрядовые действия эволюционируют в сторону развлекательно-игровых мероприятий.

Литература

Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.

Добровольская В.Е. Нормативный контекст фольклорного текста и его роль в бытовании фольклорной традиции // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов. Т. II. М., Государственный республиканский центр русского фольклора, 2006. С. 430

Корнева В.Ю. Зерновой код в календарной обрядности русских. Автореф. ... кандидата ист. наук. Томск, 2010. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/zernovoi-kod-v-kalendarnoi-obryadnosti-russkikh>